

Излей свой гнев

Филип Гец | 01.04.2020

Материал любезно предоставлен Jewish Review of Books

В 1803 г., в начале процесса государственного строительства и секуляризации, вошедшего в историю как «германская медиатизация» (deutsche Mediatisierung), правительство Баварии конфисковало из монастырей тысячи книг и перевезло их в Государственную библиотеку в Мюнхене. В ходе этой акции, возглавлявший ее немецкий историк и библиотекарь барон Иоганн Кристоф фон Аретин обнаружил бесчисленное множество редких памятников. Самым известным из них была неизвестная ранее рукопись «Кармина Бурана» – средневекового сборника стихотворений, рассказов и песен, в т.ч. непристойного содержания. Гораздо менее известным, но, как выяснилось, столь же интригующим оказался том, который Аретин описывал просто как «еврейский молитвенник с драгоценными иллюстрациями». На самом деле, это была Пасхальная агада, но по поводу иллюстраций он оказался прав, хотя и не имел представления о том, чем они ценны.

Агада богато украшена, но уникальность ей придает тот факт, что некоторые иллюстрации имеют нарочито христианское содержание. Например, цитата из Диврей а яким 21:16: «...и меч его обнаженный в руке его простерт над Йерушалаимом» проиллюстрирована изображением фигуры, напоминающей Иисуса, который в одной руке держит крестообразный меч; три пальца его другой руки подняты, символизируя Троицу. Тот же Иисус появляется еще раз через несколько страниц, в том месте, где Агада взывает к Бгу: «Излей Свой гнев на народы, не знающие Тебя». Здесь на голове у Иисуса «еврейская шапка», и он, как мессия, восседает на белом коне.

Латинский пролог, предваряющий рукопись, отличается более мрачным содержанием: в нем подробно излагается суть седера, его законы и традиции, в сочетании с рядом классических (и оригинальных) христианских антисемитских представлений. Почти не верится, что этот и другие поразительные элементы рукописи оставались незамеченными почти 200 лет после того, как Аретин включил манускрипт в свой каталог.

В пронизательном и на редкость увлекательном предисловии к изданию «Монашеская агада» гарвардский исследователь Дэвид Стерн описывает путешествие по манускрипту, открывая его тайны и готовя это солидное критическое издание вместе с двумя талантливыми со-редакторами книги Кристофом Маркшисом и Сарит Шалев Эйни (это первый том из серии «Димйонот», которую собирается выпускать издательство Пенсильванского университета.) В новой книге есть не только транскрипции и переводы пролога, текста и маргиналий, но и увлекательные статьи, освещающие 500 летнюю биографию этого таинственного манускрипта.

Оказывается, перед тем, как попасть к Аретину, агада побывала в руках разных владельцев. Около 1489 г. она была передана в монастырь Св. Квирина в Тегернзее по завещанию Пауля Ванна, священника, который проповедовал в кафедральном соборе Пассау. Как и все рукописные агадот той эпохи, эта агада написана евреем, однако неясно, когда и при каких обстоятельствах она попала в библиотеку Ванна. Это могло произойти около 1478 г., когда нескольких евреев Пассау обвинили в осквернении гостии (на изображающей это событие картине Вольфганга Заубера XVI в. мы видим группу мужчин, которые методично протыкают ножами облатки размером с монету, изображающие Иисуса). Обвинение привело к

насильственному обращению 46 евреев в христианство и изгнанию всех остальных евреев из города. Однако невозможно сказать наверняка, попала ли агада в руки Ванна именно в результате этого ужасного (но вовсе не единичного) эпизода.

В любом случае, после смерти Ванна рукопись оказалась в монастыре, а затем настоятель послал ее Эрхарду фон Паппенхайму, одному из многочисленных христианских гебраистов той эпохи, усматривавших в еврейских текстах не только мишень, но и источник вдохновения. Соратник великого ученого Иоганна Рейхлина и сам выдающийся христианский гебраист, Эрхард (вслед за издателями я буду называть его по имени) составил потрясающий латинский пролог к агаде и отправил ее обратно в монастырь. И вот с этого момента события стали разворачиваться весьма любопытно и весьма скверно.

Почти каждый элемент пролога Эрхарда представляет собой детальное описание ашкеназского седера того времени. Я говорю «почти», потому что среди прочего там содержатся следующие инструкции, написанные на манер рецепта «харосес»:

Если имеется свежая кровь, глава семейства добавляет несколько капель — больше или меньше, в зависимости от того, сколько у него есть, — в подготовленное тесто, хотя они говорят, что одной капли достаточно. Если свежей крови нет, он перетирает в порошок засохшую кровь, затем разбавляет ее водой и брызгает, как сказано ранее.

Перед нами, разумеется, вариант классического европейского кровавого навета, изложенного здесь почти как отвратительная пародия на талмудический легализм, – когда различаются такие категории, как лехатхила (де юре предпочтительно добавлять свежую христианскую кровь) и бедиавад (де факто допускается использование высушенной крови). За этим пассажем вскоре следует еще один, гораздо более удивительный:

После того как накрыли стол, выложив на нем упомянутые выше предметы, глава семейства садится во главе стола. Перед ним стоит кубок, наполненный вином. Затем <...> он добавляет одну каплю из другого кубка, наполненного христианской кровью, смешивает ее со своим вином и говорит: «Се кровь христианского младенца». Перемешав с кровью собственное вино, он добавляет по капле в кубки всем прочим.

Как сообщает Дэвид Стерн, этот второй текст не имеет прецедентов в истории антииудейской традиции, если только не учитывать источник, который использует Эрхард для обоих описаний: насильственно вырванных признаний евреев из Трента в ходе расследования печально известного кровавого навета 1475 г. – убийства Симона Трентского. А кто же переводил латинские протоколы этого процесса на немецкий язык? Не кто иной, как наш монах Эрхард фон Паппенхайм, по всей вероятности, лично присутствовавший на самом процессе.

Тот факт, что Эрхард добавил свой пролог к рукописи, порождает ряд интересных вопросов. В исследованиях истории книги эпохи Средневековья и раннего Нового времени понятие «авторства» охватывает разные силы, которые спонсировали и разрабатывали концепцию той или иной рукописи. В своем прекрасном исследовании четырех иллюстрированных средневековых агадот Марк Майкл Эпштейн отмечает:

Проблема авторства каждой агады — это сочетание разнообразных идеологических, богословских, философских, историософских, политических и социальных концепций, способ рассказать историю взаимоотношений евреев с Б гом, с соседями и друг с другом через комментирование нарратива Святого Писания.

Неповторимость «Монашеской агады» заключается в том, что еще до того, как она приобрела окончательный вид, на каждом этапе ее создания в дело вступали новые идеологические,

философские и исторические факторы.

Чтобы разобраться в хитросплетениях этих факторов, издатели посвятили каждому из них одну или несколько глав. Сарит Шалев Эйни, блестящий исследователь еврейского и христианского искусства из Еврейского университета, проводит глубокий кодикологический анализ рукописного текста, маргиналий и иллюстраций, помещая их в сложный итало-ашкеназский и христианский контекст. Шалев Эйни приходит к выводу, что на первом этапе в подготовке агады участвовало не меньше четырех человек: талантливый еврейский писец, двое огласовщиков и корректоров, тоже евреев по рождению (один из которых поставил в конце манускрипта свою подпись: «Йосеф, сын рабби Эфраима благословенной памяти») и, по крайней мере, один художник, а возможно, и больше.

Кропотливый анализ Шалев Эйни столь же проясняет манускрипт, сколь и сами иллюстрации, а ее замечания об оригинальном характере рукописи в рамках традиции представляют собой экспресс-курс по иконографии этого жанра. Она сравнивает нашу агаду с агадот Мерфи, Шокена, Лондонской ашкеназской и Флёрсхаймской, дотошно отмечая сходства и различия (по крайней мере, такое впечатление складывается при чтении). Самое существенное отличие — упомянутая «христианизация» еврейской иконографии — остается определенной загадкой. Иллюстраторы были христианами? Конверсами? Кто заказал им иллюстрации? Шалев Эйни не может ничего сказать наверняка, но возникает соблазн предположить, что во время изгнания 1478 г. в руки Ванна попала незаконченная рукопись, и он искажил ее еврейский характер этими иллюстрациями. Возможно, перед нами результат реального осквернения агады в ответ на воображаемое осквернение гостии.

Честь открытия, что автором пролога был Эрхард фон Паппенхайм, принадлежит Кристофу Маркшису, выдающемуся исследователю раннего христианства из Берлинского университета имени Гумбольдта. В его статье излагаются биографии Ванна, Паппенхайма и других людей, через руки которых прошел наш манускрипт: Амброзия Шверценбека (библиотекаря монастыря Тегернзее, получившего рукопись) и Конрада фон Айриншмальца (настоятеля монастыря). Наиболее удачно ему удалось описать венскую интеллектуальную и богословскую традицию, в которой воспитывались все эти люди.

Глубокие познания Маркшиса в истории христианства и немецкого гуманизма XV в. позволяют ему ввести рассуждения Эрхарда в широкий контекст. Там, где другой ученый увидел бы нечто самобытное в ссылке Эрхарда на 1 Кор. 5:7 («очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны»), Маркшис замечает: «Эрхард не оригинален <...> Он находится под влиянием распространенных христианских аллегорий еврейского пасхального пира, сформулированных первым поколением христианских богословов».

Раннее христианство – ключевой период для понимания интереса христианских гебраистов к Песаху и агаде. Синоптические евангелия и Евангелие от Иоанна связывают с Песахом последние дни земной жизни Иисуса, и, как отмечали Энтони Графтон и Джоанна Вайнберг, позднее протестантские богословы будут «заявлять, что изучение иврита можно оправдать тем, что он проливает свет на проблемы, связанные с датировкой распятия». Но Эрхарда пасхальный седер интересует с несколько иной точки зрения. Он главным образом пытается вписать ритуал и литургию седера в динамику евхаристии. Маркшис справедливо подчеркивает: «Главный богословский тезис, который выдвигает Эрхард в комментарии к агаде Пауля Ванна... <заключается в том>, что и Христос, и Тайная вечеря, и святая церковь в чине мессы подражают этому ритуалу». Парадоксальное желание христианских гебраистов высмеять иудаизм и одновременно найти в нем источник христианских истин, видится в этой агаде ярче, чем в любом другом документе.

По этой причине Дэвид Стерн называет пролог Эрхарда «высшей ступенью фантазии христианского гебраизма», и его познавательная статья демонстрирует внимательное

прочтение текста в контексте христианского габраизма и еврейской традиции. Стерн не оставляет без комментария ни одного странного слова, и его объяснения порой бывают неожиданными, даже дискомфортными. Например, Эрхард сообщает, что разбрызгивание крови во время седера сопровождается перечислением казней и мольбой «Да обратит Г сподь все эти казни и проклятия на врагов наших, особенно на великое множество христиан». Эта фраза многих ошеломит своей иронией, даже пародийностью, поскольку обычай отливать несколько капель вина при перечислении десяти казней принято истолковывать как скорбь Б га по Его тонушим творениям, как об этом говорится в Талмуде (Мегила, 10б): в такой интерпретации капли вина символически уменьшают нашу радость. Стерн же цитирует авторитетного раввина конца XIV – начала XV в. Яакова бен Моше Леви Молина, известного под акронимом Маариль, который говорил: «Мне кажется, что этим <отливанием капель вина> мы говорим: Да спасет Он нас от этих <казней> и да обрушатся они на врагов наших». По мнению Стерна, это означает, что «толкование Эрхарда представляет собой точное отражение еврейских верований того времени».

В классическом труде «Агада и история» Йосеф Хаим Йерушалми описывал агаду как «книгу для философов и для народа, которая переиздавалась чаще и больше, чем любой другой еврейский текст, и чаще всего снабжалась иллюстрациями». В 1973 г., когда он работал над книгой, ему удалось насчитать не менее 3500 изданий Пасхальной агады. «Монашеская агада» явно отличается от всех прочих.

примечания редактора

Впервые напечатано: Лехаим М., № 4 (324)